

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ КАРЕЛИИ В 1950-е гг.: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
(по материалам НА РК и НМРК)**

Национальный архив Республики Карелия хранит документальный фонд Карельского государственного краеведческого музея за 1917–1975 гг. Большую его часть составляет управленческая документация: приказы директоров и вышестоящих организаций, деловая переписка, а также планы, отчёты, штатные расписания. Документы об экспозиционной, научно-исследовательской и выставочной деятельности музея находятся на хранении Научного архива Национального музея Республики Карелия. Кроме того, в НА РК представлены документы о деятельности филиала в д. Дворцы за 1946–1980-е гг. Основными источниками для проведения нашего исследования стали документы за 1950-е гг., хранящиеся в НА РК и НА НМРК. Их изучение позволило выявить характерные черты деятельности музея в 1950-е гг., проблемы и перспективы развития музейного дела в республике.

Первая послевоенная постоянная экспозиция Государственного историко-краеведческого музея КФСР была открыта в 1945 г. в празднование 25-летия Карело-Финской ССР. Во время войны музей сильно пострадал. Поскольку в структуре экспозиции отсутствовал раздел, посвящённый природе Карелии, музей первые годы носил название исторического. Впоследствии, с открытием этого отдела – Государственный историко-краеведческий музей КФСР¹. С 1945 г. музей вёл активную работу по пополнению существующих коллекций музейных предметов, усовершенствованию экспозиции, организации культурно-просветительских мероприятий и популяризации². В 1948–1953 гг. музей возглавлял Иван Михайлович Мулло, педагог, краевед, опытный музейщик, участник Зимней и Великой Отечественной войн. Стаж музейной работы, в том числе на руководящих постах, у И.М. Мулло составлял в 1953 г. двадцать лет³.

Музей размещался в здании бывшей заводской церкви (ныне

– собор Александра Невского). Состояние здания было неудовлетворительным, поэтому характерной стороной жизни музея в 1950-х гг. был постоянный ремонт, реэкспозиции, борьба за сохранность фондов.

В 1950-е гг. сотрудники музея были заняты работой по созданию расширенной экспозиции. Требования к музейному показу предъявлялись самые высокие: «новая экспозиция должна быть идейно-политически целеустремленной, научно обоснованной и в должной мере насыщенной экспонатами, имеющими действительно музейное значение»⁴. К декабрю было завершено составление новых экспозиционных планов, и они поступили на утверждение в Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров КФССР, в ведении которого с 1945 г. находился историко-краеведческий музей. Кроме руководства культурно-просветительными учреждениями республики, комитет осуществлял охрану памятников истории Карелии, а также контроль за расходованием средств культурно-просветительных учреждений.

В прямой зависимости от качества и полноты экспозиции находилась экскурсионная работа музея, которая должна была

«способствовать делу коммунистического воспитания трудящихся и пропаганде политических задач»⁵. Основной аудиторией музея были учащиеся школ и средних специальных учебных заведений Петрозаводска. Для проведения экскурсий использовались тематические методические пособия, составляемые научными сотрудниками музея. Методички по экскурсиям должны были обсуждаться на Музейном совете, куда входили не только музейщики, но и представители партийных и общественных организаций, научных учреждений республики, историки. В 1950-х гг. активными участниками Музейного совета были доктор исторических наук, профессор Я.А. Балагуров и писатель и историк, кандидат исторических наук А.М. Линевский.

Для вышестоящих органов наиболее важным направлением работы музея была именно экспозиционная и экскурсионная работа, и как раз последняя зачастую подвергалась критике как

проблемная. В апреле 1950 г. Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров КФССР издал специальный приказ, в котором обязывал усилить контроль за качеством экскурсий, повышать квалификацию сотрудников-экскурсоводов, обеспечить плановое составление и обязательное утверждение методических разработок экскурсий и лекций⁶. Директору музея предлагалось «установить постоянный контроль за качеством экскурсий путем прослушивания и анализа отдельных экскурсий», а также «обратить внимание ... на необходимость улучшения экспозиции музея и в первую очередь отдела Советского периода, обеспечивая отражение в экспозиции современного развития народного хозяйства и культуры республики»⁷. С этого времени на производственных заседаниях сотрудников музея все чаще стали обсуждаться и критически разбираться проведенные в музее экскурсии.

Критика коллег подчас носила резкий характер, что отражено в протоколах заседаний, однако, объективно выявление и исправление недостатков способствовало улучшению экскурсионной работы.

К середине 1950 г. были рэкспонированы основные разделы экспозиции музеев, создан и реализован ТЭП по природе Карелии. Но существовали и недоработки. Как отмечали сами музейщики, отдельные темы «были построены исключительно на местном материале без увязки с общими событиями страны», иногда вместо подлинных музейных вещей выставлены фото и другие изобразительные материалы, этикетаж был сделан только на русском языке. В целом отмечалось «отставание экспозиции от жизни», то есть наиболее важные текущие события в стране и республике не находили своё отражение. Эти недостатки в основном объяснялись нехваткой времени, которое было отведено на работу, ограниченностью материальных средств, отсутствием нужных площадей для полноценного размещения всех разделов экспозиции⁸.

Открытие новой экспозиции музея было значительным и долгожданным событием для Петрозаводска. Большинство жителей города, посетивших её в первые месяцы после открытия, оставили положительные отзывы, высказывали благодарность музейщикам за проделанную работу,

приветствовали возобновление полноценной работы одного из главных научно-просветительных учреждений республики. Но были и критические замечания. Особый резонанс вызвала заметка корреспондента газеты «Ленинское знамя» Н. Тихомирова «Экспонаты безграмотности». Автор, посетивший экспозицию в дни открытия, приводил примеры из текста этикеток, которые содержали речевые и даже фактологические ошибки, вводили посетителей в заблуждение. «У этих надписей (этикеток) останавливаются подолгу, читают их по нескольку раз, читают и убеждаются, что их составители явно не в ладах с русским языком», – указывалось в заметке. Автором был сделан вывод о том, что оформление экспозиции находится не на должном уровне⁹.

На следующий день после выхода газеты, 13 августа 1950 г., сотрудники музея собрались на совещание, на котором единственным вопросом в повестке была заметка Н. Тихомирова. В целом критика была признана правильной, а возглавлявший заседание заместитель директора Н.А. Гринин обязал всех ответственных за составление тематико-экспозиционных планов и этикетаж сотрудников более продуманно и тщательно обрабатывать текстовый материал экспозиции¹⁰. Было предложено начать работу по усовершенствованию экспозиции основных отделов в следующем году.

Необходимо отметить, что в рамках существовавшей в СССР политики в отношении культурно-просветительных учреждений музеи должны были придерживаться определённой структуры при создании постоянных экспозиций. Структура музейного показа должна была чётко соответствовать и репрезентировать марксистское представление об общественно-экономических формациях. Посетители музея, перемещаясь из одного зала в другой, видели картину возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, сменявших друг друга. Центральное и ведущее место в музее должен был занимать отдел «Советского периода», в котором особое внимание уделялось показу «достижений передовиков сельского хозяйства в республике, а также культуры и быта трудящихся»¹¹. История Карелии, представленная в экспозиции, увязывалась с историческими событиями, происходившими в России, что подчёркивало

не-разрывную связь между теперь уже Советской Карелией и СССР.

Реализация нормативного подхода к построению экспозиции зачастую приводила к дисбалансу местного и общеисторического материала, а также к потере музеем «индивидуальности». Для Госмузея КФССР были характерны эти проблемы, которые неоднократно позже поднимались в дискуссиях на заседаниях Музейного совета и в ходе производственных совещаний. Кроме того, в новой экспозиции раздел по истории Карелии советского периода вследствие нехватки экспозиционного пространства, не был представлен полноценно как по структуре, так и по содержанию: хронологический принцип показа был нарушен, некоторые темы не получили раскрытия.

Уже через год после открытия новой экспозиции в музей поступил приказ председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений с требованием в кратчайшие сроки перестроить раздел «Советского периода». Кроме выделенных недостатков музейного показа отмечалось, что раздел «Участие КФССР в Великой Отечественной войне» не может занимать так много площади экспозиции в ущерб более актуальным, по мнению комитета, темам. Указывалось и на нехватку экспонатов, подлинных музейных предметов, «плоскостной характер» экспозиции. Для пополнения фондов музея комитет просил ЦК КП(б) КФССР дать указания министерствам, учреждениям и организациям республики об оказании музею помощи экспонатами, материалами и другими данными для оформления отдела «Советского периода»¹².

Не забыв о проблеме качества этикетаж и сопроводительного текстового материала, в мае 1952 г. директор музея утвердил особую инструкцию о порядке составления и утверждения текстовых материалов для экспозиций. Главные тексты, этикетки к основным экспонатам впредь должны были составляться на двух языках – русском и финском, к экспонатам приравнялись цитаты классиков марксизма-ленинизма, которые включались в экспозицию в обязательном порядке. Устанавливался следующий порядок утверждения текстовых материалов: первая инстанция – это заместитель директора по научной части, затем, если указанные им недостатки были

устранены, утверждался директором. После получения визы от директора тексты передавались художнику или направлялись в типо-графию для печати. После приёмки уже готовой экспозиции специ-альной комиссией любое дополнение или смена текстового материала могли осуществляться только с разрешения Главлита КФССР¹³.

После подготовки новых тематико-экспозиционных планов по советскому периоду и дополнительной собирательской работы, сотрудники музея приступили к реэкспозиции. С 19 ноября 1951 г. музей закрылся на ремонт помещения и реэкспозицию, которые постоянно затягивались. Музей стал доступен для посетителей только в конце следующего 1952 г. В протоколе заседания производственного совещания научных сотрудников музея от 7 октября 1952 г. справедливо отмечалось: «Трудящиеся города уже год лишены возможности посещать музей. Коллектив не сумел от-крыть музей к XIX съезду партии. Если не будут приняты меры, то и к 35-й годовщине Октября музей не будет открыт». Разделы «Природы КФССР» и «Дореволюционного прошлого Карелии» были завершены и смонтированы, однако, открыть музей в отсу-тствии ключевого отдела, который ещё не был принят специаль-ной комиссией, не представлялось возможным¹⁴.

Комиссия по просмотру новой экспозиции, состав которой был утверждён заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) КФССР, ознакомилась с ней в конце ноября 1952 г. В состав ко-миссии под председательством директора Института языка, лите-ратуры и истории Карело-Финского филиала АН СССР В.И. Ма-шезерского (филиал АН СССР) входили председатель Комитета по делам культурно-просветительских учреждений Н. Г. Червов, вид-ные учёные-историки республики Я.А. Балагуров, М.И. Шумилов, А.М. Линевский, Е.С. Гардин, а также сотрудники отдела агитации и пропаганды ЦК КП(б) КФССР. Комиссия выделила ряд недос-татков, которые предписывалось устранить в ближайшее время, но структура экспозиции, основные темы и экспозиционные комплек-сы не вызвали нареканий¹⁵.

Председатель Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров КФССР Н.Г. Червов 14 ноября 1952 г. своим приказом разрешил музею открыть для экспонирования раздел «Советского периода» «История КФССР (1917–1950 гг.)», а 22 декабря 1952 г. – раздел экспозиции «Промышленность КФССР»¹⁶. В то же время отмечалось, что коллектив музея не выполнил в срок возложенные на него обязательства по подготовке экспозиции, и музей не был открыт вовремя. Кроме того, не была закончена тема «Социалистическая культура и быт трудящихся КФССР». Директору музея предписывалось до 20 февраля 1953 г. завершить реэкспозицию раздела советского периода и до 1 июня 1953 г. внести изменения в раздел «Дореволюционного прошлого», в соответствии с замечаниями комиссии по приёму экспозиции.

Экскурсия по отделу Госмузея «Дореволюционное прошлое Карелии». Экскурсовод Г.Б. Балакина. Фото Е.А. Блейхман. Петрозаводск, 1951 г. КГМ 59278

Раздел экспозиции, посвящённый культуре и быту жителей республики, был представлен на обозрение посетителям музея в августе 1953 г. Новая работа музейщиков не обошлась без критических замечаний в местной печати. В газете «Ленинское знамя» 19 августа 1953 г. появилась заметка И. Левицкой, в которой говорилось об «отдельных удачах» и «существенных недостатках» экспозиции¹⁷. Автор заметки указывала, что использованные изобразительные средства бедны и невыразительны, экспозиция сплошь состоит из фотографий, подлинных музейных предметов мало, возмущалась отсутствием должного показа деятельности театров республики и т.д. В этот же день, 19 августа, заметка была обсуждена на производственном совещании музейных работников, на котором большинство замечаний корреспондента были признаны правильными. В качестве оправдания ответственные за раздел «Социалистическая культура» сетовали на то, что театры вовремя не передали фотографии, а отсутствие современной или хотя бы рабочей аппаратуры у музейного фотографа не позволило самим запечатлеть театральные спектакли. Кроме того, поспешность оформительской работы и нехватка средств на приобретение инвентаря, художественных материалов и экспонатов привело к невыразительности экспозиции. В заключении участвовавший в заседании сотрудник музея Е.Д. Рыбак констатировал: «... То, что у нас мало вещественных экспонатов, много фотографий, так это общий недостаток экспозиции музея»¹⁸. Это означало, что исправить указанный недостаток музей в одиночку не сможет, надо улучшать и менять подход к построению всей экспозиции.

Уже в 1953 г. ситуация с финансированием музея стала улучшаться, так как Комитет по делам культурно-просветительных учреждений и подведомственные ему учреждения, в том числе и Государственный историко-краеведческий музей, вошёл в структуру Министерства культуры КФССР. Проблемы музея стали рассматриваться и решаться на более высоком уровне министерства.

Приказом по Министерству культуры КФССР № 37 от 24

мар-та 1954 г. на должность директора музея вместо И.М. Мулло был назначен Филипп Иванович Егоров, бывший военный, бригадный комиссар, полковник¹⁹. Основной задачей музея на 1954 г. Было намечено дальнейшее обновление и усовершенствование постоянной экспозиции, расширение массовой культурно-просветительской работы. Активизировать собирательскую работу планировал отдел «Советского периода». Отделом «Дореволюционного прошлого» были запланированы выставка, посвящённая 300-летней годовщине воссоединения Украины с Россией, реэкспозиция нескольких подтем.

В этом году в музее, в прошлом несколько раз откладывавшем свое открытие в установленные сроки, развернулась борьба за выполнение годового плана работы. Жертвами стали научные сотрудники разных отделов, деятельность (или бездействие) которых раз за разом выносилась на обсуждение в ходе производственных заседаний. Критика коллег как одна из основных примет 1950-х гг. сопровождала музейных работников на каждом этапе их деятельности, начиная от разработки тематико-экспозиционных планов и заканчивая проведёнными ими экскурсиями. Особенно резко на одном из производственных совещаний критиковался отчёт заведующего отделом «Дореволюционного прошлого» Н.И. Тихонова о работе его подразделения. Из выступлений на совещании сотрудников музея следует, что ни один пункт плана, кроме выставки к 300-летию отношений Украины и России, не был выполнен. С общих недостатков в работе отдела перешли на недостатки в общественной работе его сотрудников. Заведующий отделом фондов В.В. Алава критиковал Н.И. Тихонова и старшего научного сотрудника В.Г. Хапова: «К общественной работе гг. Тихонов и Хапов относятся несерьёзно. Являясь агитаторами, на участке бывают редко. Хапов, член месткома и член редколлегии, чуть не сорвал выпуск предмайской стенгазеты»²⁰.

На этом же совещании старший научный сотрудник отдела «Советского периода» Ф.П. Яковлева, имеющая на 1954 г. 36-летний стаж работы, из них семь лет в музее, историк, выразила общую позицию коллег по отношению к общественной

работе:

«У нас культурно-просветительное учреждение и наша работа немыслима вне общественной работы»²¹.

В своей оправдательной речи Н.И. Тихонов высказал претензии к работе дирекции, которая медленно решает производственные вопросы, не вполне оперативно рассматривает и утверждает документы, а также отмечал общую загруженность отдела работой. Не обошлось и без ответной критики в адрес коллег:

«... Яковлева говорит о научных трудах, но на них у нас нет времени. Критиковать других легче, а вот сама тов. Яковлева 8 лет пишет одну методичку»²².

Помимо критики в разных её проявлениях вовлеченность сотрудников музея в общественную работу, участие в деятельности различных общественных организаций также можно назвать приметой времени. Например, большинство сотрудников музея были членами Краеведческого общества КФССР (КАССР). Многие участвовали как агитаторы и члены комиссий в избирательных кампаниях в выборные органы республики. В летние и осенние месяцы сотрудники музея привлекались для оказания помощи в совхозы и колхозы республики, что зачастую негативно влияло на экспедиционную и собирательскую работу, часто совпадавшую по времени с посевной и уборочной кампаниями. Пассивное отношение к общественной работе порицалось на производственных совещаниях и собраниях месткома музея.

В то же время слишком рьяное отношение к общественным обязанностям не всегда воспринималось положительно. Например, в докладной записке на имя директора заведующий отделом фондов В.В. Алава жаловался на заведующего отделом «Истории Советского периода» Н.М. Гвоздева, который унёс из музея два портрета, два лозунга и карту «Промышленные предприятия КАССР» для оформления избирательного участка. В.В. Алава указывает: «Я отнюдь не против оформления и украшения избирательных участков, прошу понять правильно, а за то, чтобы выносы вещей из музея были известны отделу ...». В своей резолюции директор музея Ф.И. Егоров указывал Н.М. Гвоздеву:

«установленный порядок надо соблюдать...»²³.

В апреле 1955 г. Коллегия Министерства культуры КФССР изда- ла постановление «О состоянии и мерах по улучшению работы Го- сударственного историко-краеведческого музея». «Работа [музея] ещё серьёзно отстаёт от возросших культурных запросов трудящих- ся и современных требований музееведения». Замечания повторя- лись: «недостаточно освещаются достижения республики в про- мышленности и сельском хозяйстве, экспозиция плоскостная, не хватает экспонатов». С удивлением отмечалось, что, несмотря на то, что в 1954 г. музей работал полный год, количество посетите- лей в сравнении с 1953 г. уменьшилось на пятьсот человек, а количе- ство посетителей, посетивших экскурсии, – на две тысячи человек²⁴.

В постановлении были подняты также проблемы содержания некоторых разделов экспозиций. В 1955 г. в стране началась так называемая «кукурузная кампания», целью которой было внедре- ние этой популярной во многих странах сельскохозяйственной культуры в сельское хозяйство СССР. Кампания затронула и Каре- лию, несмотря на неблагоприятные для культивирования кукурузы климатические условия региона. «Успехи» кукурузной экспансии в Карелии Коллегия Минкультуа хотела видеть отражёнными в экс-позиции. В постановлении, в частности, отмечалось: «В материа- лах музея до сих пор не поднято значение кукурузы для подъёма животноводства в колхозах и совхозах республики ...»²⁵.

Директору музея было приказано принять меры к устранению существующих недостатков в работе, в течение 1955 г. произвести пополнение экспозиций новыми экспонатами. С 1 сентября 1955 г. предлагалось открыть лекторий музея для проведения культурно- просветительных мероприятий по краеведческим темам.

Не осталась без внимания коллегии и проблема предаварийно- го состояния музейного здания. На 1955–1956 гг. был запланиро- ван ряд работ по его реконструкции и ремонту, так как существо- вала угроза обрушения перекрытий первого этажа. Исполком Петрозаводского горсовета депутатов трудящихся летом 1955 г. обязался провести благоустройство

сквера около музея и заас- фальтировать пешеходные дорожки.

Исправляя недостатки в работе музея, указанные в постановлении Коллегии, заведующие отделами и научные сотрудники активизировали работу по изучению и описанию фондов, собира- тельскую работу. В экспозиции в каждый раздел было «влито от 50 до 200 новых экспонатов». Всего в открытой экспозиции музея к концу года насчитывалось до 4100 экспонатов, в том числе в раз- деле природы – 306, дореволюционного прошлого – 950 и совет- ского периода – 2630²⁶.

1956 г. ознаменовался важным событием в жизни страны: в фев-рале в Москве состоялся XX съезд КПСС, который наметил курс развития СССР до конца десятилетия. Одним из наиболее значи- тельных вопросов, который обсуждался на съезде, стал доклад Н.С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях», в кото- ром был представлен иной взгляд на события недавнего прошло- го страны, а также осуждён культ личности И.В. Сталина.

Историко-краеведческий музей основными задачами на 1956 г. ставил «улучшение идейно-политического и научного содержания экспозиции в свете исторических решений XX съезда КПСС», а также пропаганду его решений²⁷. В связи с этим из экспозиции музея стали изыматься тексты цитат И.В. Сталина, его портреты, ссылки на его работы. Кроме того, в 1956 г. республике был воз- вращён статус автономной, соответственно сотрудникам музея предстояла работа по внесению изменений в этикетаж, прежде все- го раздела «Советского периода».

В 1956 г. основанный народным учителем В.А. Трошиным ме-мориальный музей Петра I в д. Дворцы Петровского района во- шёл в качестве филиала в структуру Государственного историко- краеведческого музея. Практически сразу в музейном сообществе началась дискуссия о его профиле. В существующей экспозиции, «строящейся в основном на изобразительных материалах, кри- тически не хватало подлинных музейных предметов, которые бы раскрывали заявленную в названии музея тему». К тому же с 1955–1956 гг. около деревни проводились изыскательские

работы с целью составления проекта строительных работ нового советского санатория. Своеобразной рекламой нового лечебно-оздоровительного учреждения было то, что он будет находиться на месте первого российского курорта, основанного Петром I. Закладка нового санатория поставила перед музеем новые задачи:

«зафиксировать это событие, обратить внимание трудящихся на заботу о них партии и правительства». Выполнить эти задачи музей мог только при смене профиля, то есть его специализации, с мемориальной на тематическую.

В 1956 г. штатная численность сотрудников музея составляла 31 человек, из них 11 имели высшее образование, три среднее специальное образование, семь человек состояли в КПСС или были кандидатами в члены партии²⁸. Сотрудники музея в основном имели педагогическое или историческое образование. Большинство были моложе пятидесяти лет (23 человека). По национальности большинство сотрудников были русские, в штате кроме того были карелы (6), финны (6), вепсы (1). На 1957 г. два сотрудника музея имели стаж работы в историко-краеведческом музее более 15 лет²⁹. Зарботная плата младших специалистов и обслуживающего персонала музея составляла около 330 рублей в месяц, младшие и старшие научные сотрудники получали 690 и 880 рублей в месяц, заведующие отделами и филиалом в д. Дворцы – 980 рублей, директор музея – 1500 рублей, учёный секретарь – 880 рублей³⁰.

В 1957 г. музей готовился к важному событию – 40-летию Октябрьской революции. К этой дате была запланирована масштабная работа по реэкспозиции основных разделов экспозиции музея. Сотрудниками были подготовлены тематико-экспозиционные планы, активизировалась экспедиционная работа. Открытие новой экспозиции планировалось на начало 1958 г.

Сотрудники Историко-краеведческого музея. 1956 г. КГМ 65869

Первый ряд, третья слева – Августа Дмитриевна Канавина (смотритель), пятый слева – Н.М. Гвоздев (н/с отдела «История Советской Карелии»). Второй ряд, третий справа – Иван Михайлович Мулло, слева от него – (седьмой слева) В.В. Пименов, третий слева – Я. Мондонен (н/с отдела дореволюционной Карелии), четвёртый слева – И. Тихонов (?)

Для филиала Госмузея в д. Дворцы, взамен утраченного, был составлен новый тематико-экспозиционный план, который фиксировал структуру существующей экспозиции, состав экспонатов, изобразительных материалов и сопроводительных текстов. СобираТЕЛЬСкая работа была ориентирована на поиск материалов о пребывании и деятельности Петра I в Карелии и истории первого русского курорта³¹. Однако критичный отзыв, полученный из Института музееведения, в котором экспозиционный план был охарактеризован как «совершенно немусейный»³², вновь реанимировал дискуссию о профиле музея. Несмотря на это, музей в д. Дворцы пользовался популярностью у туристов, и его посещаемость росла год от года.

Одной из наиболее затяжных и не решаемых проблем главного музея республики оставалось неудовлетворительное состояние музейного здания. Ситуация особенно обострилась в

1957 г. Директор музея Ф.И. Егоров в конце ноября 1957 г. направил в адрес председателя Совета Министров КАССР И.С. Беляева и министра культуры КАССР И.М. Петрова докладную записку, в которой просил включить в план строительных работ на 1958 г. капитальный ремонт здания или предоставить для учреждения новое помещение. Впервые поднимался вопрос о возможности музею «возвратиться» в комплекс исторических зданий на пл. 25 Октября (ныне пл. Лени-на). Ф.И. Егоров в своей докладной записке с горечью писал: «...условия работы музея совершенно невозможные. Помещается музей в плохо приспособленном здании церкви, где нет ни водопровода, ни канализации, ни центрального отопления. Подвальное помещение, где находятся фонды музея, хранятся памятники культуры на- рода, ежегодно весной и осенью заливаются водами, что приводит к порче экспонатов от сырости, не говоря уже о том, что сотрудни- ки вынуждены черпать и выносить воду ведрами, чтобы спасти экспонаты и материалы от затопления. ... Вследствие крайней стес- нённости с помещением музей экспонируют всего около 10 процен- тов имеющихся у него экспонатов. Нет помещения для художествен- ного отдела, негде развернуть имеющиеся в фондах произведения: картины, скульптуру, предметы прикладного искусства, резьбу по дереву. Музею негде вести работу с активом, так как негде соби- раться с ним»³³. В докладной записке отмечались и другие нерешённые вопросы: в недостаточном количестве выделялись средства на научную и экспедиционную работу, невысокая оплата труда бух- галтера, завхоза и фотографа, состоящих в штате музея, игнориро- вание музея со стороны сети партполитпросвещения и др. Как пи- сал директор музея, эти проблемы «множественно с 1954 года мною, а до этого моим предшественником, ставились (и перед вами тоже) перед республиканскими организациями ... Все ... вопросы упер- лись в какой-то тупик и не находят разрешения»³⁴.

Полная отчаяния докладная записка директора возымела своё действие. Уже летом следующего года было издано распоряжение Совета Министров КАССР о реконструкции здания музея, и в ию- ле 1958 г. начался ремонт. Новая экспозиция, тематико-экспозици- онные планы которой

составлялись весь 1957 г., так и не была реализована полностью, в том виде, в котором она задумывалась. Музей был закрыт для посетителей, а основная экспозиция музея была восстановлена только в 1960 г. В 1958 г. директором музея назначен Георгий Иванович Мезенцев.

Проведение капитального ремонта было возложено на строительное управление № 3 Каргорсельстроя. За 1958 г. конторой было освоено из выделенных 450 тысяч рублей только 96,5 тысяч. Темпы работ позволяли сделать вывод, что музей не откроется в положенный срок, а в конце года ремонтные работы совсем приостановились³⁵.

В отличие от головного учреждения, где музейная работа практически остановилась, филиал музея в д. Дворцы, напротив, испытывал подъём. Была проведена реэкспозиция в соответствии с новым тематико-экспозиционным планом, который окончательно решил вопрос о профиле музея. Отныне он стал носить название

«Музей „Марциальные Воды“» (заповедник с 1959 г.).

Экспозиция музея была разделена на два отдела: первый был посвящён истории первого русского курорта времён Петра I и событиям Северной войны, а второй – строительству нового советского санатория. Новый план получил одобрение НИИ музееведения. В отзыве, составленном институтом, отмечалась большая работа, которая была проделана за истекшие два года сотрудниками музея в д. Дворцы³⁶. В отсутствие возможности вести нормальную экспозиционную и экскурсионную работу, сотрудники головного музея свои силы сосредоточили на описании и пополнении фондов. Заметно активизировалась экспедиционная работа, которая до середины 1950-х гг. находилась в неудовлетворительном состоянии.

В уже упомянутом постановлении Коллегии Министерства культуры КФССР от 18 апреля 1955 г. «О состоянии и мерах по улучшению работы Государственного историко-краеведческого музея», в частности, говорилось о недостатках в научно-исследовательской работе музея, «что отрицательно сказывается на состоянии экспозиции»³⁷. Отмечалось, что за 1954 г. музей не провёл ни одной научной экспедиции, сотрудники отправляются в научные командировки крайне

редко и на непродолжительное время, недостаточное для выполнения задач, поставленных в плане командировки³⁸. Кроме того, музей не обладал нужными средствами для закупки новых предметов, на что обращал внимание заведующий отделом «Дореволюционного прошлого» И.Н. Тихонов, отвечая на критику работы своего отдела: «Уезжая в экспедицию, мы обычно не имеем денег на приобретение экспонатов. Даже то, что получаем бесплатно, порой не можем привезти в музей из-за отсутствия транспорта»³⁹.

Ситуация с научно-исследовательской и экспедиционной работой музея стала исправляться уже в 1957 г., когда музей вёл подготовку к празднованию 40-летия Октябрьской революции. Была проведена комплексная краеведческая экспедиция в Олонецкий район, состоялись научные командировки сотрудников в Кемь, заповедник «Кивач». Музейщики собрали более 1400 предметов, документов и фотографий, большинство которых относилось к периоду 1918–1921 гг. Среди них наиболее ценными были предметы, принадлежавшие участникам революционных событий и Гражданской войны. Так в дар от бывшего командира вооруженного отряда рабочих Онежского завода Н. Дорофеева получен револьвер системы «Наган». Также музею были подарены шинель красногвардейца Онежского завода, двое часов с надписью

«Честному воину Красной Армии от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» и др.⁴⁰ Большинство предметов уже в 1957 г. были выставлены в постоянной экспозиции.

Наган Н. Дорофеева недолго находился на обозрении посетителей, так как уже в январе следующего года был среди бела дня похищен из музейной витрины двумя подростками. Инцидент произошёл по недосмотру сотрудников: находившиеся в зале подростки в отсутствии смотрителя, отлучившегося на несколько минут, открыли витрину и похитили наган. Когда пропажа была обнаружена, мальчики уже покинули музей, а «попытка догнать их не увенчалась успехом»⁴¹. О краже было сообщено в милицию, Министерство культуры КАССР, и по результатам проверки ответственным сотрудникам объявлен выговор.

В 1958–1959 гг. сотрудники музея совершили научные командировки в Кемский, Сортавальский и Олонецкий районы, Кондопогу, Беломорск, Повенец, посещали предприятия в районах республики с целью выявления имеющих историческое значение предметов и документов. Результатом командировок стало пополнение фондов музея предметами народного быта, одежды, орудиями труда, продукцией предприятий, личными вещами передовиков производства и отличников соцсоревнований (всего более 670 предметов), дореволюционными документами⁴². В 1959 г. в музей поступили обнаруженные на территории Онежского тракторного завода секции первой железной дороги в России – «чугунного колесопровода», построенного на Александровском заводе в 1788 г.⁴³

Музей активно сотрудничал с научными учреждениями Карелии и СССР для организации и проведения экспедиций, научных исследований, археологических изысканий. Для проведения последних необходимо было оформить заявку на получение Открывающего листа и представить план археологических работ Институту истории материальной культуры Академии наук СССР. В 1959 г. музеем была оформлена заявка на проведение археологических раскопок на территории бывшего курорта «Марциальные Воды» и бывшего Кончезерского металлургического завода XVIII в. Руководство работами возлагалось на старшего научного сотрудника музея И.Н. Тихонова, который в течение ряда лет участвовал в полевых исследованиях археологических памятников Карелии под руководством А.Я. Брюсова, а также проводил самостоятельные археологические разведки в 1949 г.⁴⁴

Во второй половине 1950-х гг. активизируется работа музея со школьными краеведческими клубами: велась активная переписка со школьниками по вопросам краеведения, оказывалась методическая помощь в организации школьных музеев и красных уголков⁴⁵. Школьники обращались в музей для получения советов по оформлению и структуре экспозиций от специалистов в музейном деле, выявлению информации об известных земляках – героях войн и по истории своих населённых пунктов, а иногда и для пополнения коллекций

школьных музеев⁴⁶. Например, в своём письме члены исторического кружка школы № 18 станции Кемь от 30 января 1957 г. просили сообщить «всё, что известно музею» о походе Тойво Антикайнена, а также имена участников похода, которые могут поделиться своими воспоминаниями⁴⁷.

Ответами на запросы школьников занимались начальники отделов, курирующие экспозиционную работу по дореволюционной и советской истории Карелии, главный хранитель и директор музея. В своих ответных письмах они давали ребятам рекомендации по поиску, сбору и экспозиционному представлению краеведческих материалов, приветствовали инициативы школьников по изучению родного края, мотивировали их на дальнейшую работу. В 1957 г. оказана методическая помощь Ухтинской средней школе, ученики которой взялись за организацию школьного музея. В фотолаборатории краеведческого музея было изготовлено 76 фотографий, научными сотрудниками составлен примерный тематический план (структура) школьного музея. Школьники получили брошюру

«Задания для школьных кружков и юных туристов», в которой были даны советы и указания, как вести сбор материалов о природе, истории, экономике и культуре района, села. Кроме того, экспозиция школьного музея пополнилась присланной из фондов археологической коллекции – орудия труда и керамика неолита⁴⁸.

Специалисты краеведческого музея направляли школьников в поиске экспонатов, предоставляли копии фондовых фотографий, осуществляли работу по научно-методическому курированию школьных музейных организаций. Помимо практических советов, давались специальные задания краеведческим кружкам и музеям по изучению проблем локальной истории или по улучшению школьных экспозиций⁴⁹.

Иногда школьники сами отдавали в дар музею собранные ими филателистические или нумизматические коллекции, а также найденные старинные предметы. Так, например, в 1958 г. заведующий отделом фондов В.В. Алава вёл переписку с пятиклассницей Алевтиной Кашинцевой из Суоярви, которая

коллекционировала денежные знаки и желала передать коллекцию Госмузею. В своих письмах В.В. Алава выражал от имени музея благодарность девочке, а также призывал продолжать коллекционирование⁵⁰. В ответ на письмо школьницы Олимпиады Галькевич от 1959 г., сообщающей о наличии у неё коллекции старинных монет, ди- ректор музея Г.И. Мезенцев сообщал, что музей с удовольствием примет коллекцию. Однако он рекомендовал продолжать коллекционирование, а также привлечь к этой работе школьных товари- щей и собирать не только монеты, но и старинные вещи, доку- менты, минералы и на основе этой коллекции организовать в своей школе музей⁵¹.

Переписка со школьниками, краеведческими клубами и круж- ками была одной из возможностей музея вести культурно-прос- ветительную деятельность, так как музей был закрыт для посе- тителей на протяжении полутора лет. К концу 1959 г. стало окончательно ясно, что ожидать его открытия можно не ранее первого полугодия 1960 г.⁵²

Так закончилось для Государственного историко-краеведче- ского музея КАССР непростое десятилетие, ознаменовавшееся коренными изменениями в масштабах всей страны, которые оста- вили свой отпечаток и на деятельности этого учреждения. Только за одно это десятилетие были проведены две масштабные режкс- позиции, создана новая экспозиция в филиале музея в д. Дворцы, сменилось три директора.

Несмотря на все сложности, коллектив музея, состоящий из неравнодушных, искренне любящих свое дело специалистов, все- гда оставался на страже исторического наследия и культурного богатства республики. Именно коллектив можно рассматривать как фундамент, на котором держалось символическое «здание» музея как учреждения в то непростое время.

¹ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/27. Л. 6.

² Государственный историко-краеведческий музей Карело-Финской ССР: Путе- водитель по музею. Петрозаводск, 1949. С. 3.

³ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 3/40. Л. 4.

⁴ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/21. Л. 1.

⁵ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/19. Л. 65.

- ⁶ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/19. Л. 65–66.
- ⁷ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/19. Л. Л. 67.
- ⁸ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/24. Л. 8–9.
- ⁹ *Тихомиров Н.* Экспонаты безграмотности // Ленинское знамя. 1950. № 160, 12 авг. С. 2.
- ¹⁰ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/20. Л. 45–46.
- ¹¹ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/32а. Л. 18–19
- ¹² НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/26. Л. 66.
- ¹³ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 3/36. Л. 81.
- ¹⁴ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 3/35. Л. 23.
- ¹⁵ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 3/33. Л. 29.
- ¹⁶ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 3/33. Л. 31–32.
- ¹⁷ *Левуцкая И.* Новая экспозиция историко-краеведческого музея // Ленинское знамя. 1953. № 191, 19 авг. С. 2.
- ¹⁸ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 3/44. Л. 29.
- ¹⁹ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 4/51. Л. 22.
- ²⁰ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 4/53. Л. 6.
- ²¹ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 4/53. Л. 7.
- ²² НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 4/53. Л. 9.
- ²³ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 5/91. Л. 45.
- ²⁴ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 4/58. Л. 32–33.
- ²⁵ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 4/58. Л. 33.
- ²⁶ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 4/67. Л. 20.
- ²⁷ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 5/72. Л. 17.
- ²⁸ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 5/77. Л. 2, 5.
- ²⁹ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 5/86. Л. 1.
- ³⁰ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 5/86. Л. 2; Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 7/107. Л. 3.
- ³¹ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 5/92. Л. 14.
- ³² НА НМРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 813. Л. 70.
- ³³ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 5/91. Л. 268–269
- ³⁴ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 5/91. Л. 271.
- ³⁵ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 6/96. Л. 1.
- ³⁶ НА НМРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3178. Л. 12.
- ³⁷ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 4/58. Л. 33.
- ³⁸ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 4/58. Л. 33.
- ³⁹ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 4/53. Л. 9.
- ⁴⁰ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 5/84. Л. 1–3.
- ⁴¹ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 5/84. Л. 1–3.
- ⁴² НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 6/96. Л. 3; Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 7/109. Л. 3–4.
- ⁴³ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 7/109. Л. 5.
- ⁴⁴ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 6/100. Л. 20.
- ⁴⁵ *Каюмова М.Р.* Деятельность Государственного историко-краеведческого музея КАССР в 1950-е гг. // Рябининские чтения – 2019: материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Пет-розаводск, 2019. С. 76.
- ⁴⁶ *Каюмова М.Р.* Ответы на запросы учеников школ как форма

образовательной и воспитательной работы музеев (на примере переписки Карельского государственного краеведческого музея с образовательными учреждениями в 1960-е гг.)

// Педагогический вестник Карелии. 2017. № 1. С. 12.

⁴⁷ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 5/91. Л. 29.

⁴⁸ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 5/91. Л. 105.

⁴⁹ *Каюмова М.Р.* Ответы на запросы учеников школ... С. 12–13.

⁵⁰ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 6/100. Л. 125.

⁵¹ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 7/112. Л. 12.

⁵² НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 7/109. Л. 1.